

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/9

Наука и высшее образование на западных окраинах Российской империи (конец XIX – начало XX в.): между имперскими и региональными интересами*

А.О. Степнов¹, С.А. Некрылов²

^{1,2} Томский государственный университет
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: brothe.numb1@gmail.com

² E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Авторское резюме

В статье исследуется роль и место западных окраин в научно-образовательной системе Российской империи конца XIX – начала XX в. Предпринята попытка определить границы западных окраин с учетом специфики нашей проблематики и историографических традиций. В западные окраины включены территории Виленского, Варшавского, Рижского (Дерптского) и Киевского учебных округов, которые в целом соответствуют Привислинскому, Остзейскому, Западному краям, Левобережной Малороссии. Высшую школу этого региона отличали глубокий исторический бэкграунд, тесная связь с Европой, ориентация на местное население как клиентуру образования. Делается вывод, что западные окраины представляли собой привилегированный и в некоторых аспектах замкнутый образовательный анклав, в котором особое место занимали национальные и региональные противоречия. Характеристика Дерптского (Юрьевского) университета как «форпоста» имперской гегемонии с рядом замечаний отчасти может быть распространена на Киевский и Варшавский университеты. В конце XIX – начале XX в. западные окраины стали местом реализации новаторского проекта создания политехнических институтов (Киев, Варшава), инициированного С.Ю. Витте. Правительство воспринимало университеты западных окраин как инструмент интеграции этих пестрых в национальном отношении регионов в имперское тело, но на практике в политически нестабильные периоды эти университеты порой давали противоположный результат. Это создало все предпосылки для поворота научно-образовательной политики Петербурга от культурно-образовательного очага к регионам-аутсайдерам.

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Ключевые слова: наука, высшее образование, западные окраины, Российская империя, региональная политика, национальная политика

Science and higher education in the Western borderlands of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries): Between imperial and regional interests*

Aleksei O. Stepnov¹, Sergei A. Nekrylov²

National Research Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: brothe.numb1@gmail.com

² E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Abstract

This article examines the role and place of the western borderlands in the scientific and educational system of the Russian Empire during the late 19th and early 20th centuries. The boundaries of the western outskirts, in accordance with the specifics of the subject matter and established historiographic traditions, are defined here as encompassing the Vilnius, Warsaw, Riga (Dorpat), and Kyiv educational districts. These districts generally correspond to the Vistula, Baltic, and Western regions, as well as Left-Bank Ukraine. Higher education in this region had a deep historical background, maintained close ties with Europe, and was oriented toward serving the local population. The western borderlands constituted a privileged and, in certain respects, a closed educational enclave where national and regional contradictions held particular significance. The characterization of Dorpat (Yuryev) University as an “outpost” of imperial hegemony can, in part, be extended to the universities of Kiev and Warsaw. Furthermore, in the late 19th and early 20th centuries, the western outskirts became the site for Sergei Witte’s innovative project to establish polytechnic institutes in Kyiv and Warsaw. The imperial government perceived universities in the western borderlands as instruments for integrating these ethnically diverse regions into the imperial framework. In practice, however, during periods of political instability, these institutions occasionally produced contrary effects. This dynamic ultimately created the preconditions for a shift in St. Petersburg’s scientific and educational policy away from this cultural and educational center and toward other peripheral regions.

---

*This research is supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No FSWM-2024-0008.

Keywords: science, higher education, western borderlands, Russian Empire, regional policy, national policy

В историографии российских университетов традиционно принято рассматривать либо университетскую систему страны в целом (А.Е. Иванов, Ф.А. Петров, А.Ю. Андреев и др.), либо конкретные университеты в контексте развития городов и регионов. Самые исторические университеты Российской империи концентрировались на ее западных окраинах. Развитие отдельных вузов этого региона нашло отражение в современной историографии. Отмечается, что фокус развития высшей школы в предреволюционный период смещался с запада на восток Российской империи, что было обусловлено остротой национального вопроса на западных окраинах [11]. Вместе с тем отдельные университеты (Дерптский – Юрьевский) рассматриваются как яркие имперские проекты конца XIX – начала XX в. [15]. Региональные вузовские комплексы по-прежнему не изучены как явление применительно к имперскому периоду, хотя представляется, что оснований для этого достаточно.

Понятие «западные окраины» (далее также ЗО) Российской империи не имеет точного определения, при обращении к их географическим границам необходимо учитывать определённые традиции в историографии. Однако здесь встречаются разночтения. Использование границ современных государств (Украины, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и т. д.) будет не совсем корректным. Э. Таден в «западное пограничье» (Western Borderlands) Российской империи включал Царство Польское (Привислинский край), Остзейские губернии, Западный край и Великое княжество Финляндское [52]. В современном исследовании, специально посвящённом западным окраинам Российской империи, границы сужаются до Левобережной Малороссии, Западного края и Царства Польского [9: 13].

Эти земли (вместе или без Остзейских губерний) были своего рода эпицентром сложных отношений империи и окраин. Здесь конкурировали имперская и национальная идеи, русские и польские проекты строительства нации. В конце имперского периода к ним добавились другие национальные и протонациональные (используем это слово для обозначения форм, предшествующих фазам зрелого развития наций и национализмов, – оно вполне применимо, например, к малороссийскому и в ещё большей степени белорусскому движениям рассматриваемого периода) движения и идеологии – малороссийские, литовские, белорусские [9: 14]. Для западных окраин, в сравнении с прочими окраинами Российской империи, были характерны большая плотность и абсолютная численность населения, высокий

уровень экономического и культурного развития; особый размах общественно-политических процессов.

Это те земли, которые когда-то были частью Речи Посполитой, а затем вошли в состав Московского царства – Российской империи. Как видно, Остзейский край авторы вышеназванного издания в «западные окраины» не включили. Говоря конкретно о научно-образовательной сфере на западных окраинах и в империи в целом, нужно рассмотреть этот регион отдельно. С 1890-х гг. имперский центр взял курс на его «русификацию». До этого здесь были сильны немецкие элиты. Переход в результате Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Эльзаса и Лотарингии в состав учреждённой в 1871 г. Германской империи заметно повлиял на «приграничную» политику не только самой Германии, решившей включить новые земли в свое имперское тело, но и других империй. Опасения того, что германское влияние в Остзейском крае в случае потенциальной войны с новой центрально-европейской империей может сыграть роковую роль, сильно повлияли на петербургских чиновников. Упор был сделан на усилении русского начала в этом регионе, а не на противопоставлении местной немецкой элиты элите эсто-латышской [19: 233–234].

И в германском (французском) Эльзасе, и в российской (немецкой, эсто-латышской) Лифляндии инструментом этой политики («германизации» и «русификации») стали университеты – Страсбургский и Дерптский (ИДУ (с 1893 г. – Юрьевский (ИЮУ)). Судьба этих университетов схожа в попытках властей придать им всеимперский, а не региональный характер, наделить особой имперской миссией. Немецкий историк Труде Маурер назвала их «бастионами или форпостами в борьбе за гегемонию» и поставила по данному критерию в один ряд с разделённым в 1882 г. на немецкий и чешский Карловым университетом в Праге, с Львовским университетом (Австро-Венгрия), с бельгийским Гентским университетом [15: 705–706]. Конечно, нельзя не поставить в этот ряд и Варшавский университет.

Острота региональных противоречий и национального (прото-национального) вопроса – это то, что было плотью и кровью университетов на западных окраинах в намеченных нами границах. Данный критерий может стать, пожалуй, ключевым при определении границ этого научно-образовательного региона. Неопределённым остается статус Новороссийского края. И.И. Мечников, который с 1867 г. был приват-доцентом, а в 1872–1882 гг. профессором учреждённого в 1865 г. Императорского Новороссийского (Одесского) университета (ИНУ), вспоминал, что в этом высшем учебном учреждении «особенно заметен был антагонизм между профессорами местного происхождения, т. е. малороссами, и москвичами» [17: 80].

Мечников не уточняет этот аспект, но конфликтная среда ИНУ стала притчей во языцех для многих современников: «Одесский университет с самого своего основания отличался особенным изобилием дряг. Как учреждение тогда ещё новое, он не сливался с городом. Профессора, в большинстве выходцы из других университетов, были в Одессе новичками и не участвовали за крайними редкими исключениями ни в городском управлении, ни в банковых и тому подобных предприятиях. К тому же в Одессе не было других высших учебных учреждений, в которых университетские профессора могли бы занимать места. Ввиду всего этого деятельность их сосредотачивалась исключительно в университете» [17: 79–80]. В «лектории», где профессора и преподаватели Одесского университета проводили свободное время, подчеркивает Мечников, «перетирались косточки товарищей» (особое внимание уделялось вопросам предстоящих выборов на преподавательские и административные должности), «созидались и укреплялись “партии”».

В целом такая конфликтность была характерна почти для всех императорских университетов России конца XIX – начала XX в., и порой делаемый акцент на региональных («провинциальных») университетах кажется некорректным. Одесса, в отличие от рассматриваемых нами губерний ЗО, имела несколько иной исторический бэкграунд. С конца XV по конец XVIII в. она была под властью Оттоманской Порты, местное население долгое время по преимуществу было татарским; античное наследие в регионе распознавалось только узкими специалистами соответствующего профиля. Так, филолог и историк-антиковед В.И. Модестов, один из первых преподавателей ИНУ, вспоминал о своих ожиданиях от Одессы и его университета перед прибытием туда: «Южное положение Одессы, тёплый климат, море, историческая почва Понта Эвксинского – всё это только усиливало в моих глазах привлекательность нового университета» [29: 21].

А.Е. Иванов отмечает, что Одесскому университету была поручена неофициальная правительственная миссия – привлечение молодёжи из Балканских стран, но представительство балкано-славян в студенческом контингенте ИНУ было минимальным [11: 193]. История Одесского университета не оставила материала, позволяющего основательно судить о нем как о «форпосте» имперской гегемонии, хотя возможно, что дальнейшие исследования и скорректируют это мнение.

Те же аргументы во многом применимы к Слобожанщине (Слободская Малороссия) – Харьков существовал как русский город, почти не пребывав в составе другого государства, не имел соответствующих традиций исторической памяти. Научно-образовательным

центром региона был открыт в 1805 г. Императорский Харьковский университет (ИХУ). Несмотря на то что Харьковская губерния в дореволюционной практике порой включалась в Малороссийский экономический край (см. районирование, предложенное Д.И. Менделеевым [47: 31]), мы видим, что в образовательном плане Харьков был ориентирован скорее на Центральную Россию. С одной стороны, Харьковский университет в 1820–1830-е гг. стал «центром развития малорусского романтического украинофильства». ИХУ даже порой представляется как центр «украинского культурного возрождения» [51: 358]. С другой стороны, даже по замечанию М.С. Грушевского, это национально-романтическое течение в ИХУ «выглядит мелким провинциализмом, забавою или капризом этнографов и антиквариев» (цит. по: [18: 55]). Важен и иной аспект. Волынская, Подольская, Киевская губернии входили в состав Харьковского учебного округа до 1832 г. К концу XIX в. в составе этого округа, кроме самой Харьковской губернии, были Воронежская, Курская, Пензенская, Тамбовская губернии, а также Область Войска Донского.

В 1892 г. среди студентов ИХУ доля выходцев из Киевского, Виленского, Варшавского, Дерптского учебных округов (губернии западных окраин в намеченных нами границах) составляла всего 15 % (150 студентов). В тот же год совокупная доля студентов ИХУ – выходцев из Харьковского, Одесского, С.-Петербургского, Московского, Казанского, Оренбургского, Кавказского учебных округов, а также из Западной и Восточной Сибири составляла 75 %. Большею частью это были студенты, ранее обучавшиеся на территории Харьковского (47 % – 464 студента) и Одесского (22 % – 216 студентов) учебных округов (подсчитано по: [30: 59 об.–60]). К 1 января 1902 г. доля студентов ИХУ с западных окраин сократилась до 8 % (всего 110 человек), остальные были из тех же округов (в т. ч. 58 % (784 студента) из Харьковского и 15 % (206 студентов) Одесского учебных округов), к которым прибавились 10 выходцев из Туркестанского края и один из Болгарии (подсчитано по: [21: 66 (вкладка)]).

Таким образом, мы видим, что по критерию промышленной специфики и специализации, по Д.И. Менделееву, Харьковщина больше тяготела к Малороссии, а в образовательной сфере к Центральной России. Не обнаружили мы каких-то громких свидетельств, отражающих сложные отношения в преподавательском составе ИХУ на почве столкновений региональных и национальных идентичностей. Основатель Харьковского университета В.Н. Каразин мечтал сделать это высшее учебное заведение центральным «не только всей Малороссии, но и юго-западных славян и даже греков» [22: 207]. Однако доля студентов-иностранцев в его составе была ничтожной.

В свете всего сказанного территориальные рамки мы ограничиваем Западным, Привислинским, Остзейским и Малороссийским (Левобережная Малороссия) краями. Данным территориям в целом соответствуют губернии Киевского (КУО – Киевская, Полтавская, Черниговская, Волынская, Подольская губернии), Виленского (ВилУО – Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилёвская, Холмская (выделена из восточных районов Люблинской и Седлецкой губерний в 1913 г.) губернии), Варшавского (ВаршУО – Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сувалкская губернии (до 1912 в состав округа входила упразднённая Седлецкая губерния)), Рижского (РУО (до 1893 г. – Дерптского (ДУО) – Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губернии) учебных округов.

В отличие от Э. Тадена, мы оставили за пределами своего внимания Финляндию с ее образовательным центром в Императорском Александровском (Гельсингфорсском) университете (основан в 1827 г.) Великого княжества Финляндского. Как и Королевский университет Царства Польского, действовавший в 1817–1830 гг., он был в ведомственном и законодательном смысле отделен от университетской и в целом научно-образовательной системы Российской империи [3: 22], и в отечественной историографии их не принято рассматривать в ряду остальных университетов страны. В случае с Королевским университетом Варшавы это актуально и для польской историографии [14].

Особенность, характеризующая роль и место западных окраин в научно-образовательной системе Российской империи, – это глубокая связь с историей. В России и за границей традиционно принято говорить о значительном «отставании» нашей страны от Европы по развитию высшей школы. В современной историографии этот подход является уже не совсем корректным, он основан на своего рода искажённой оптике. Университеты – это продукт, процитируем А.Ю. Андреева, «экспансии в масштабах Европы», начало которой из Центральной в Восточную Европу пришлось на последнюю четверть XVI в. [2: 135]. Этот процесс затронул земли Речи Посполитой, а немногим позднее и прибалтийские владения Швеции. То, что в дальнейшем станет западными окраинами Российской империи, в XVI–XVII вв. было эпицентром этих процессов. Постепенное движение с запада на восток в данном контексте – органично и закономерно.

Основанный в 1803 г. на базе Главной Виленской школы Императорский Виленский университет ведёт свою историю с 1579 г., когда актом короля Стефана Батория и привилегией папы римского Григория XIII была создана академия-университет виленского Общества Иисуса. Хотя академия имела тогда миссией окатоличивание региона,

Вильнюсский университет и в советское время, несмотря даже на большой разрыв в истории (1832–1919 гг.), продолжал отстаивать преемственность с ранним Новым временем [13: 11–14; 43: 10–17].

В 1832 г. Императорский Виленский университет, как и двумя годами ранее упомянутый уже Королевский университет в Варшаве, был закрыт за участие в Польском восстании 1830–1831 гг. История Виленского университета в российский имперский период уже не возобновилась. Альтернативой ему стал основанный в 1833 г. и открытый в 1834 г. Императорский (Киевский) университет Святого Владимира (ИУСвВ). Петербургские чиновники рассчитывали, что польская и литовская молодёжь, обучаясь в Киеве, в некотором отдалении от родных краёв и в местной малороссийской среде, станет более лояльной имперским ценностям. Но уже во второй половине XIX в. сам Киевский университет стал проблемным в силу столкновения различных национальных и региональных идентичностей в профессорском и студенческом составе. В 1862 г. в Варшаве была создана Главная школа, на базе которой в 1869 г. был открыт Императорский Варшавский университет (ИВУ).

Открытый в 1802 г. Императорский Дерптский университет отсчитывает свою историю с 1632 г., когда местная гимназия была расширена до *Academia Gustaviana*, которой шведским королем Густавом II Адольфом были предоставлены права и привилегии основанного в 1477 г. Уппсальского университета.

В XIX – начале XX в. высшие духовные учебные учреждения стали рассматриваться как особый тип высшей школы Российской империи [10: 53–58]. Старейшей среди них была Киевская академия (до 1701 г. – Киево-Могилянская коллегия). По Гадячскому договору 1659 г. Киево-Могилянской коллегии были дарованы привилегии Краковской академии – присвоены права академии-университета. В 1694 г., спустя время после вхождения в состав России, царской Жалованной грамотой университетские привилегии Киево-Могилянской коллегии были подтверждены [2: 129, 155].

И в конце XIX – начале XX в. студентов, приезжающих, например, в Дерпт (с 1893 г. – Юрьев), впечатлял средневековый колорит этого университетского города. Писатель В.В. Вересаев (Смидович), в 1888–1894 гг. обучавшийся на медицинском факультете Дерптского (Юрьевского) университета, вспоминал о Дерпте: «Мозгом, движущим и жизненным центром города, являлся старинный Дерптский университет... Весь город живет университетом и для университета. Чем-то старым, старым, средними веками несло от всего здешнего уклада... Каким-то чудом в Дерпте сохранялись в нетронутым виде старинные традиции, совершенно немыслимые в отношении к

русским университетам» [5: 300, 305]. Ту же непохожесть и средневековый колорит Юрьева отмечал в своих мемуарах академик К.И. Скрябин, чьей Alma Mater был Юрьевский (до 1893 г. – Дерптский) ветеринарный институт (обучался в нём в 1900–1905 гг.): «В 1900 г. Юрьев был академическим городом. На 40 тысяч жителей было 2 тысячи студентов высших учебных заведений, да к тому же множество учащихся средних учебных заведений. Весь облик города и царившие в нем нравы имели весьма своеобразный характер и были совершенно не похожи на русские университетские города... На правом высоком берегу Эмбаха был расположен Домберг – большой тенистый парк. В нем были разбросаны многочисленные университетские учреждения, высились руины древнего замка» [44: 32–33]. Врач З.Г. Френкель, который почти одновременно с Вересаевым обучался в Дерптском (Юрьевском) университете, вспоминал, что университетская библиотека поражала не только качественным обслуживанием и богатством фондов, но и «обстановкой, от которой веяло поэтическими образами гётевского Фауста» [48: 95–96].

Варшавский, Киевский и Дерптский (Юрьевский) университеты имели полную, предусмотренную уставом 1884 г., 4-факультетную структуру (медицинский, физико-математический, юридический, историко-филологический факультеты). Но в Дерптском (Юрьевском) университете дополнительно был уникальный для российских университетов богословский факультет. При этом следует отметить, что положения устава 1884 г. стали распространяться на Дерптский университет только с конца 1880-х гг. Варшавский университет вплоть до 1917 г. функционировал по собственному уставу 1869 г. Это имело свои последствия. Об одном из них вспоминал правовед Е.В. Спекторский, в 1898 г. окончивший юридический факультет этого университета, а затем до 1913 г. преподававший в нем: «Т.н. русские права никак не возмещали отсутствия гонорара, столь обильного именно на юридических факультетах других университетов, живущих по уставу 1884 г.» [45: 85].

Уникальность научно-образовательного климата западных окраин Российской империи обусловлена историческим багажом и особым контекстом внутренней жизни университетов, но в особенности историей старейшей духовной академии в Киеве, через которую в Россию пришли дух, традиции и принципы средневекового университета. Старейшим сельскохозяйственным высшим учебным учреждением Российской империи был Ново-Александрьевский институт, основанный в 1816 г. в пригороде Варшавы Маримонте, а в 1861 г. перенесённый в уездный город Новая Александрия. Будучи изначально второразрядным, в 1893 г. этот институт был расширен –

увеличено количество профессоров, срок обучения продлен с 3 до 4 лет, усилена практическая подготовка [10: 81–82]. На западных окраинах действовали 2 из 4 ветеринарных институтов (в Дерпте (Юрьеве) и Варшаве), 1 из 4 историко-филологических институтов (в Нежине) страны. Впрочем, все эти вузы были немногочисленны по студенческому и преподавательскому составу и мало определяли культурный и общественно-политический ландшафт региона. На 30 отсутствовали высшие художественные и военно-морские учебные учреждения.

В конце XIX – начале XX в. западные окраины – это передний край политехнического образования. Идея их создания принадлежала министру финансов С.Ю. Витте. Замысел Витте был прост и в то же время достаточно необычен для своего времени – соединить принципы высшей технической школы и университетов с упором на «общечеловеческих знаниях вследствие соприкосновения с товарищами, занимающимися всевозможными специальностями». Отсюда проистекала многофакультетная система (в отличие от двухфакультетной, характерной для Петербургского и Харьковского технологических институтов, Московского технического училища), единство и целостность наук, взаимодействие студентов и преподавателей на почве фундаментальных вопросов технических и физико-математических наук. Витте признавался, что сам участвовал в создании устава Санкт-Петербургского политехнического института: «Будучи министром финансов, мне было, конечно, легче, чем другим министрам иметь средства на устройство этого института... приблизительно по тому же принципу мне удалось основать ещё два политехнических института: один в Варшаве, а другой в Киеве» [6: 256, 258]. В 1907 г., в период временного закрытия Варшавского политехникума (ВПИ), был создан Донской политехнический институт в Новочеркасске. Накануне Первой мировой войны в Российской империи действовало, таким образом, 4 подведомственных Министерству торговли и промышленности (МТиП) и 1 подведомственный Министерству народного просвещения (МНП) политехнический институт (фактически к тому же типу вузов («политехнический университет») принадлежал и открытый в 1900 г. Томский технологический институт).

К особенностям реализации проектов политехнических институтов следует добавить первоклассное архитектурное исполнение и самое современное материально-техническое оснащение. В пояснительной записке к проекту зданий Киевского политехнического института (КПИ) отмечалось: «Весь институт состоит из 3-х главных групп зданий, которые размещены на вершинах двух холмов... Позади этих главных зданий размещается опытная и электрическая станции и

поле для огородов с фермой и скотным двором... Ввиду особых соображений потребуется в период постройки воздвигнуть здание химического павильона, который в своих главных основаниях и идеях подвергся некоторым существенным изменениям... прибавились к первоначальному проекту обширные подвалы, для размещения в них приборов отопления и вентиляции, а также кладовых для стеклянной посуды и кубов для дистилляции воды, воспользовавшись уклонами местности для образования этих необходимых для химического павильона помещений» [49: 14–15]. Д.И. Менделеев, лично оценивший обустройство КПИ в 1903 г., признавался: «Лаборатории, кабинеты и мастерские Киевского политехникума выделяются между всеми мною виденными не только современностью и богатством обзаводства, но и обширностью и совершенством приспособлений, назначенных для студенческих упражнений, что особенно примечательно» [16: 159]. О Варшавском политехническом институте, который, как и КПИ, был основан в 1898 г., Е.В. Спекторский вспоминал: «Варшава украсилась новым высшим учебным заведением с роскошными институтами, перед которыми бледнел наш скромный университет» [45: 154]. За 2 года до этого, в 1896 г., частное Политехническое училище в Риге было преобразовано в государственный Рижский политехнический институт (РПИ). Таким образом, к началу XX в. 3 из 4 политехнических институтов действовали на западных окраинах. Два из них (Варшавский и Киевский) были подчинены сначала Министерству финансов, а с 1905 г. – образованному тогда МТиП, один (Рижский) – Министерству народного просвещения. Все три института обладали схожей 4-х (Варшавский и Киевский) или 5-факультетной (Рижский) структурой (отделения), имея, впрочем, при этом и свои особенности (в составе КПИ, в отличие от двух других политехникумов, было сельскохозяйственное отделение, в РПИ – коммерческое, в ВПИ – горное). В это же время в регионе функционировали 3 из 8 императорских университетов. Развивалась и неправительственная высшая школа, но заметного места в региональной научно-образовательной сети она не занимала, хотя и была хорошо представлена в сравнении с другими окраинами империи.

Отделение науки от образования в дореволюционной России было малозаметным, и ярких примеров здесь немного (например, Академия наук, Институт экспериментальной медицины). Концентрировались сугубо научные учреждения в основном в столице. Общественная организация науки (научные общества) по преимуществу осуществлялась при университетах. Крупные общеимперские общества (Русское географическое (РГО) и Русское техническое (РТО)) с сетью региональных отделений здесь были представлены по-разному. Некоторое

время действовали Северо-Западный (в Вильно) и Юго-Западный (в Киеве) отделы РГО, но в 1876 г. оба они были закрыты – по политическим причинам (деятельность Северо-Западного отдела в 1910 г. возобновилась). Более широко были представлены на западных окраинах отделения РГО: Варшавское, Виленское, Волынское (Житомир), Киевское, Кременчугское, Либавское, хотя общероссийская сеть региональных отделений была намного более разветвлённой. Университеты и политехнические институты (как видим из замысла Витте, институтами они назывались только по традиции, фактически речь шла о «политехнических университетах») составляли костяк не только образовательной, но и научной сферы рассматриваемого региона.

Т. Маурер, рассуждая о Юрьевском университете, подчеркивала, что в отличие от других императорских университетов, в студенческих контингентах которых концентрировались лица из местных учебных округов (тех, центрами которых были эти университеты), студенчество университета Лифляндии было многонациональным и рекрутировалось не только из центральной части России, но также и из нерусских областей [15: 709]. Постараемся более обстоятельно рассмотреть этот аспект применительно уже ко всем 3-м университетам западных окраин.

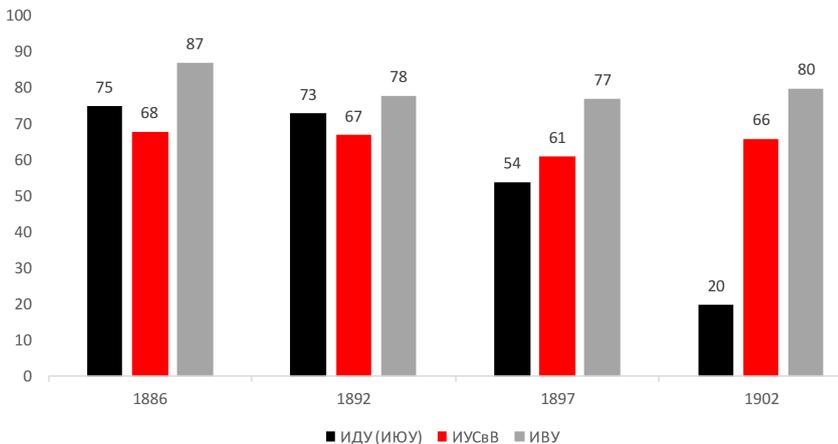

Рис. 1. Доля (в процентах) лиц в студенческих контингентах ИДУ (ИЮУ), ИУСвВ, ИВУ, получивших предварительное образование на территории учебного округа каждого из университетов (ИДУ (ИЮУ) – ДУО (РУО), ИУСвВ – КУО, ИВУ – ВарШУО) (подсчитано по: [31: 42 об.–43; 32: 72 об.–73; 33: 91–92; 34: 44–об.; 35: 22 об.–23; 36: 6 об.–7; 37: 149 об.–150; 38: 90 об.–91; 39: 133 об.–134; 40: 144 об.–145; 41: 132 об.–133; 42: 170 об.–171])

На рис. 1 мы видим, что ИЮУ в процессе «русификации» с начала XX в. стал действительно заметно выделяться на фоне двух других университетов региона. Ещё в конце 1880-х гг., как вспоминает З.Г. Френкель, «для русского студенчества в Дерпте особенно тягостна была именно оторванность от местного населения» [48: 92]. По уцелевшим традициям далёкого прошлого, о которых упоминал В.В. Вересаев, существовали немецкие студенческие корпорации с присущей им строгой иерархией и суровыми нравами (фуксы, корпоранты, олдермены, фарбентрегеры). Студентов, не являвшихся частью корпораций, называли «дикими» – в т. ч. и всех русских. Велика была национальная ксенофобия: немцы презирали русских за уклонение от дуэлей, самым тяжелым было положение евреев. При этом евреям было проще, сравнительно с многими другими российскими университетами, попасть в ИДУ (ИЮУ). Вересаев предполагал, что русская власть относилась попустительски к таким традициям и довольно унижительному отношению к «титульной» нации «ввиду полного отсутствия какой-либо революционности в местном студенчестве» [5: 305]. Эта же консервативная среда, вероятнее всего, считалась предохранителем против студенческого политического радикализма, из-за чего никто и не строил препятствий при поступлении в ИДУ (ИЮУ) политически неблагонадёжных лиц, которым в остальные университеты империи доступ был закрыт.

Преподавание в ИДУ велось на немецком языке, но уже с начала 1890-х гг. оно постепенно переходило на русский (только на богословском факультете преподавание на немецком продолжалось до 1916 г.), приезд русских профессоров сопровождался отъездом немецких. Для «русификации» студенческого состава эксклюзивный доступ в ИЮУ был предоставлен выпускникам духовных семинарий. Ранее это было дозволено и в открытом в 1888 г. Томском университете, но здесь это не было связано с национальной политикой – просто в Сибири было мало выпускников классических гимназий, а ждать таковых из Европейской России не приходилось.

На рис. 1 видно, что наиболее «спаянным» со своим учебным округом вплоть до начала XX в. был Варшавский университет. На основании этого можно судить и о национальном контингенте студентов этого университета. «В мои студенческие годы, – вспоминал Е.В. Спекторский, – большинство студентов Варшавского университета были поляки... После смерти Александра III только русские студенты носили траур» [45: 93]. Вместе с тем доля поляков не в полной мере совпадала с долей выходцев из ВаршУО. Так, в 1901/1902 уч. г. в ИВУ обучалось 68 % поляков (против 10 % русских) [12: 203], в то время как доля выходцев из ВаршУО тогда составляла 80 % (рис. 1). После

революции 1905–1907 гг., когда все варшавские вузы были закрыты, прежняя концепция культурной «русификации» студентов-поляков (для её реализации в ИВУ направлялись русские профессора с особой неформальной миссией (подробнее на примере историков см.: [4])) сменилась физической «русификацией» студенческого состава. Для этого был использован апробированный ранее в Юрьевском университете инструмент – в 1908 г. при возобновлении работы ИВУ на все его факультеты без дополнительных экзаменов по курсу классических гимназий разрешено было поступать выпускникам православных духовных семинарий. Пополнялся русскими (по сложившейся в историографии традиции мы рассматриваем эту категорию как исповедно-национальную (высокая идентичность конфессиональных и национальных характеристик (русские – православные)) и контингент ВПИ – в 1912/1913 уч. г. их доля была равна 53 %. Год спустя доля русских в ИВУ составляла 74 % [12: 209].

Таблица 1

Доля (в абсолютных показателях и процентах) лиц в студенческих контингентах ИДУ (ИЮУ), ИУСвВ, ИВУ, получивших предварительное образование в каком-либо из учебных округов 30 Российской империи (ДУО (РУО), КУО, ВилУО, ВарШУО) [31: 42 об.–43; 32: 72 об.–73; 33: 91–92; 34: 44–об. 45; 35: 22 об.–23; 36: 6 об.–7; 37: 149 об.–150; 38: 90 об.–91; 39: 133 об.–134; 40: 144 об.–145; 41: 132 об.–133; 42: 170 об.–171]

	ИДУ (ИЮУ)		ИУСвВ		ИВУ	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1886	1323	83	1432	78	1071	96
1892	1307	81	1635	75	956	88
1897	657	75	1862	70	871	87
1902	630	40	1858	70	1141	87

При подсчёте данных, представленных на рис. 1, не учтён Виленский учебный округ, который, повторим это, с 1832 г. не имел своего университетского центра (в 1832 г. ВилУО был расформирован, восстановлен в 1850 г.). На табл. 1 видно, что учёт ВилУО несколько меняет картину. В целом рассмотрение всех 4 учебных округов и 3 университетов 30 показывает, что вплоть до начала XX в., а без учёта ИЮУ и вплоть до начала Первой мировой войны, он образовывал своего рода образовательный анклав – котел, в котором главным студенческим компонентом оставалось местное население. Но в этом аспекте даже Юрьевский университет не составлял радикального исключения: если к 1902 г. доля в его студенческом составе выходцев из РУО сократилась до 20 %, то, рассматривая учебные округа всех

ЗО, она снизилась только до 40 %. И это уже не такой критический спад. В иной оптике (с фокусировкой на макрорегионе – западных окраинах) процесс «русификации» предстает несколько иначе.

Взятая по отдельным университетам разница в долях между данными на рис. 1 и табл. 1, позволяет сделать вывод, что внутренняя (между различными учебными округами) студенческая мобильность на западных окраинах была не велика; выпускники средней школы большей частью оставались внутри своего учебного округа. Что касается ИЮУ, то в 1902 г. основной приток внешних по отношению к ЗО абитуриентов пришелся преимущественно на Московский (309 человек), С.-Петербургский (189), Харьковский (143) учебные округа. То есть менее половины всех студентов (40 %) приехали из русских регионов, к тому же не столь отдалённых от ЗО. Доля русских – православных в студенчестве ИЮУ в тот год составила 65 % (подсчитано по данным: [41: 133]). Сравним приведённые данные с показателями Рижского политехнического института – с 1895 по 1912 г. общая доля его студентов, «посещавших» предварительно средние учебные заведения в «Прибалтийском крае» (так в источнике – это не выходит за обозначенные нами границы ЗО), составила 56 % [50: 723].

Киевский университет, в котором православное большинство студентов было нормой, кажется, выглядит исключением на этом фоне. Однако, повторим здесь ранее сказанное: ещё в начале 1830-х гг. этот университет наделялся неформальной национально-имперской миссией, схожей с теми, которые в дальнейшем не совсем успешно реализовывались в Варшавском и Юрьевском университетах. Малороссийский контингент, в значительной степени пополняемый выходцами из Киевского учебного округа, стабильно воспринимался как ветвь того, что принято называть большой русской нацией. Однако в воспоминаниях В.И. Модестова, в 1869–1878 гг. преподававшего в ИУСВВ, перед нами предстает довольно мрачная картина внутренней жизни Киевского университета. И немалое значение здесь имели национальные мотивы: «В Киевском университете издавна сложились две партии, почти ничего общего не имеющие с партиями, какие в том или другом виде существуют во всех русских и нерусских университетах: немецкая и местная (иначе малороссийская, или украинфильская). Названия эти не очень точны, ибо, с одной стороны, к немецкой партии всегда принадлежало немалое количество русских, а с другой – местная партия далеко не включает в себя всех членов местного рождения... Немецкая партия обязана своим началом значительному количеству профессоров немецкого происхождения, назначенным в университет ещё в период его основания... Местная, или малороссийская, партия обыкновенно небогатая ни умственными

ми силами, ни дисциплиной своих членов, партия, принимающая по временам резко украинофильский характер, нередко в значительной степени поддерживается людьми, не имеющими никакой особенной связи с Киевом и ничего общего с украинофильством, но считающими необходимым пользоваться ее услугами, чтобы сдерживать влияние немецкой партии» [29: 64–65].

В ИУСвВ напряжённость, в т. ч. политическая, в преподавательской и студенческой среде, в целом характерная для всех университетов позднеимперской России, усиливалась присущей для западных окраин остротой национального и регионального вопросов. Громкие истории с закрытием Кирилло-Мефодиевского общества и Юго-Западного отдела РГО наглядно демонстрируют этот контекст. В 1887 г. департамент полиции МВД обратил внимание на то, что студенческие землячества Киевского университета в своей деятельности, «ничем не отличаясь по своей организации от тайных обществ, представляют среду, в которую весьма легко проникают революционеры» [24: 55]. По мере приближения к 1917 г. грань между политическим и национальным в активности киевского студенчества становилась всё менее четкой.

В 1897 г. в университетах западных окраин Российской империи на 100 тыс. местного населения (в рассматриваемых нами границах) приходилось 9,2 студентов местных университетов – выходцев из губерний западных учебных округов.

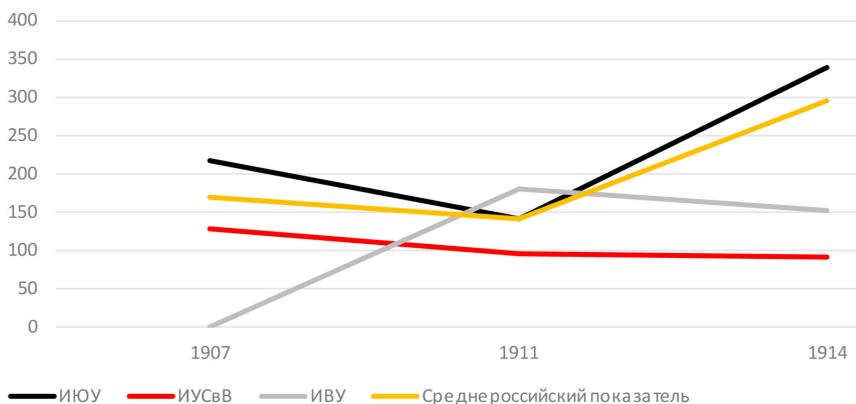

Рис. 2. Количество расходов из средств государственного казначейства (руб.), рассчитанное на одного студента (среднероссийский показатель и показатели по университетам ЗО) [26: 2, 3, 7, 20, 21, 23, 25, 32; 27: 2, 3, 7, 20, 23, 25, 32; 28: 3, 7, 20, 23, 25, 32]

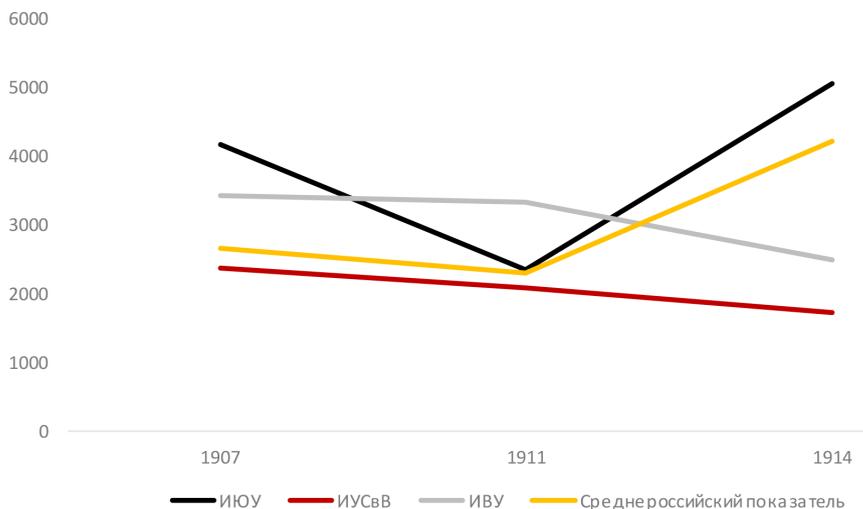

Рис. 3. Количество расходов из средств государственного казначейства (руб.), рассчитанное на одно лицо учебного персонала (среднероссийский показатель и показатели по университетам 30) [26: 2, 3, 7, 20, 21, 23, 25, 32; 27: 2, 3, 7, 20, 23, 25, 32; 28: 3, 7, 20, 23, 25, 32]

Среднероссийский показатель количества университетских студентов на 100 тыс. населения в тот год составлял 12,3 (подсчитано по данным: о количестве студентов императорских университетов на 1 января 1897 г. [25: 62]; о количестве населения обоего пола Российской империи на 28 января 1897 г. [20: 1]). В 1880 г. расходы на одного учащегося (общий объем расходов, поделённый на общее количество студентов) в ИДУ составили 232 руб., в ИУСвВ – 378, в ИВУ – 330. В пересчёте на одного преподавателя эти суммы соответственно были равны 3 693, 5 737, 3 583 при среднероссийском показателе (все университеты, подведомственные МНП) 385 (на одного студента) и 5 501 (на одного преподавателя) [46: 3].

Ещё с 1880-х гг. среди учёных циркулировали сведения об упадочном состоянии материально-технической базы ИДУ (ИЮУ) – обсерватория, ботанический сад долгое время не ремонтировались, коллекции и инструменты не пополнялись, медицинские институты уступали по своему качеству прочим русским университетам [8: 12–15]. Мы видим, что в 1880 г. средние расходы государственного казначейства на одного студента ИДУ уступали Варшавскому и Киевскому университетам (и в пересчёте на одного преподавателя уступали Киевскому университету, но совсем немного превосходи-

ли Варшавский). С 1907 по 1914 г. эти показатели в ИЮУ стабильно превышали или были на уровне среднероссийских, а Киевский и Варшавский университет и вовсе превосходили, за исключением 1911 г., когда ИВУ опережал ИЮУ, но во многом это было связано с изменением принципа набора студентов, о котором сказано выше (финансирование временно превосходило преподавательские ресурсы и опережало реальные возможности университета по набору преимущественно русских студентов). Так правительство, вероятно, компенсировало былые диспропорции. Не исключено, что определённые финансовые привилегии были обусловлены именно особо выраженной и даже декларированной национально-имперской миссией Юрьевского университета – для Варшавы и Киева эти миссии тогда стали уже рутинной.

В конце XIX – начале XX в. Варшавский и Дерптский (Юрьевский) университеты были местом, где многие учёные стремились получить профессорскую должность впервые, а затем по возможности перейти в другой университет. А.Ю. Андреев называет эти университеты (тип, выделенный по критерию академической мобильности) «отправными» [1: 86]. Таковыми же были Казанский и Томский университеты, но причины оттока здесь заметно отличались от ИВУ и ИДУ (ИЮУ), в которых именно «форпостный» характер вынуждал покидать эти края. Российским университетским интеллигентам зачастую претила миссия «русификаторов», почетной эту роль они не находили. Что касается Киевского университета, то А.Ю. Андреев характеризует его как «пересадочный» – убывало приблизительно столько же, сколько и пребывало. Высокому оттоку способствовала непростая атмосфера, присущая региону и отражавшаяся на характере отношений в преподавательской среде. Тот же В.И. Модестов покинул ИУСвВ добровольно, не выдержав его повседневных реалий.

Накануне Первой мировой войны, во время которой эвакуационные мероприятия затронули почти все рассмотренные нами вузы, западные окраины в системе высшего образования империи (ИЮУ, ИУСвВ, ИВУ) – это 22 % всего учебного персонала, 27 % студенческого контингента (без учёта посторонних слушателей), 25 % средств государственного казначейских расходов всех подведомственных МНП императорских университетов России (подсчитано по: [28: 3, 7, 20]). По доле подведомственных МНП высших технических учебных заведений (РПИ) – это соответственно 20 %, 21 %, 6 % (подсчитано по: [28: 23, 25, 32]). Низкая доля расходов государственного казначейства на Рижский политехникум объяснялась тем, что этот вуз собирал заметно более высокие, в сравнении с прочими техническими вузами МНП, суммы от слушания за лекции; более высокими в нем были доходы от

хозяйственных учреждений, городские ассигнования – сказывалась то, что долгое время он существовал как частное учреждение, тесно связанное с местной региональной элитой. По доле подведомственных МТиП политехнических институтов 30 – это 38 %, 35 %, 43 % (подсчитано по: [7: VII, XII, XIII]).

Е.А. Правилова, исследуя финансовую политику Российской империи на национальных окраинах, отмечала, что, как и в некоторых европейских империях, российское правительство колебалось между вложениями в индустриальные очаги и нивелированием регионального экономического неравенства. Национальные соображения («польский», «финляндский», «остзейский» вопросы) играли здесь не последнюю роль [23: 367–371]. Западные окраины в научно-образовательной системе Российской империи – это культурный очаг, место наследия и преемственности со средневековыми университетами. В конце XIX в. С.Ю. Витте, во многом в ущерб регионам-аутсайдерам, создает новые по типу, самые современные и даже в некоторых аспектах опережавшие свое время политехнические институты, выбирая при этом не только Петербург, но и Киев и Варшаву. Западные окраины стали местом высокой концентрации университетов и политехнических институтов, зоной интенсивного культурного и технического роста, в которой модерн тесно переплетался с традицией. Правительство рассматривало местные высшие учебные учреждения (прежде всего университеты) с точки зрения не только науки, высшего образования и экономики, но и национального вопроса.

И Юрьевский, и Киевский, и Варшавский университеты в рассматриваемый период – это инструмент и ресурс для сглаживания национальных и региональных различий в космополитичном регионе, важном с геополитической точки зрения. Университеты западных окраин – это механизм конструирования имперской идентичности, который так и не сработал эффективно. Больше того, в сложные политические моменты этот механизм парадоксально работал против изначально заданной цели. Поворот в сторону регионов-аутсайдеров в этом контексте был неизбежен, и он уже начался, заявив о себе открытием императорского университета в Саратове (1909), отделения Петроградского университета в Перми (1916). Все дальнейшие меры в развитии науки и высшего образования были бы направлены на Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, но реализовывать эту политику империя не успела.

«Форпостный» характер деятельности в некоторых аспектах был характерен не только для Юрьевского, но и Варшавского и Киевского университетов. Вся образовательная система региона, несмотря на смещение центра тяжести студенческой массы Юрьевского (Дерпт-

ского) университета от местных выходцев к полирегиональному контингенту, во многом была внутренне замкнутой, сосредоточенной на местных, а не имперских проблемах и контингентах. Это была в некотором роде страна внутри страны, что стало одной из предпосылок национальной мобилизации в этом регионе эпохи революции 1917 г. и Гражданской войны в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев А.Ю.* Мобильность профессоров в университетской системе Российской империи XIX – начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 97. С. 68–93. doi: 10.15382/sturII202097.68-93

2. *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.

3. *Андреев А.Ю.* Статистическое исследование университетской профессуры в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66, вып. 1. С. 19–43. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.102>

4. *Баженова А.Ю.* Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915: просвещение, наука, политика. Люблин: Instytut Europy ŚrodkowoWschodniej, 2014. 408 с.

5. *Вересаев В.В.* Собрание сочинений. Т. 5. Воспоминания. М.: Правда, 1961. 536 с.

6. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2 (1894 – октябрь 1905). Царствование Николая II. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 640 с.

7. Высшие технические учебные заведения // Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности. 1913–1914 уч. год. Петроград: Типография А.В. Орлова, 1916. С. I–XVI.

8. Двадцать пять лет в Прибалтийском крае. Вып. 1. Из воспоминаний старожила. Юрьев: Тип. Циркъ, 1916. 36 с.

9. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 608 с.

10. *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М.: б.и., 1991. 392 с.

11. *Иванов А.Е.* Высшая школа Российской империи XVIII – начале XX века: Избранные статьи. М.: Принципиум, 2019. 704 с.

12. *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.

13. История Вильнюсского университета, 1579–1979. Вильнюс: Мокслас, 1979. 373 с.

14. *Каштанова О.С.* Варшавский университет в системе высшего (университетского) образования Российской империи в первой трети XIX в. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 582–628. doi.: 10.23859/2587-8344-2022-6-2-6

15. *Маурер Т.* Русский Юрьевский университет и немецкий Страсбургский университет: утраченные форпосты // *Университет и город в России (начало XX века)*. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 703–760.

16. *Менделеев Д.И.* Сочинения. Т. XXIII. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1952. 386 с.

17. *Мечников И.И.* Страницы воспоминаний: сборник автобиографических статей. М.: Изд-во АН СССР, 1946. 280 с.

18. *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.

19. *Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. 608 с.

20. *Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г.* Т. I. СПб.: б.и., 1905. С. 1–268.

21. *Отчёт о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1901-й год* // *Записки Императорского Харьковского университета*. X. 1902. Кн. 2. С. 1–149.

22. *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1: Российские университеты и Устав 1804 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 416 с.

23. *Правилова Е.А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М.: Новое изд-во, 2006. 456 с.

24. *Предписание департамента полиции киевскому губернатору об усилении наблюдения за деятельностью землячеств в университете*. 22 февраля 1887 г. // *Киевский университет: Документы и материалы, 1834–1984*. Киев: «Вища школа», 1983. С. 55–56.

25. *Приложения. Статистические ведомости* // *Извлечение из всеподданнейшего отчёта министра народного просвещения за 1896 г.* СПб.: б.и., 1900. С. 1–159.

26. *Приложение: Статистические ведомости* // *Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1906 г.* СПб.: б.и., 1908. С. 1–251.

27. *Приложение: Статистические ведомости* // *Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1910 г.* СПб.: б.и., 1912. С. 1–251.

28. *Приложение: Статистические ведомости* // *Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1913 г.* Петроград: б.и., 1916. С. 2–251.

29. *Профессор В.И. Модестов*. Воспоминания, письма. М.: Принципиум, 2014. 416 с.

30. *Российский государственный исторический архив (РГИА)*. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1527.

31. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1935.
32. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1944.
33. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1948.
34. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2306.
35. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2316.
36. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2326.
37. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2333.
38. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2580.
39. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2585.
40. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2590.
41. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 2595.
42. РГИА. Ф. 733. Оп. 204. Д. 38.
43. Российский государственный архив Новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 17. Д. 533.
44. *Скрябин К.И.* Моя жизнь в науке. М.: Изд-во политической литературы, 1969. 464 с.
45. *Спекторский Е.В.* Воспоминания. Рязань: б.и., 2020. 654 с.
46. Университеты и средние учебные заведения 50-ти губерний Европейской России и 10-ти Привислинских по переписи 20-го марта 1880 г. СПб.: б.и., 1888. 451 с.
47. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Типография И.А. Ефрона, 1896. 636 с.
48. *Френкель З.Г.* Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб.: Нестор-История, 2009. 696 с.
49. 1898 г., июня 19. Пояснительная записка архитектора И. Китнера к проекту здания КПИ // Из истории Киевского политехнического института: сборник документов и материалов. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1961. С. 14–16.
50. *Album Academicum* Рижского политехнического института. 1862–1912. Рига: Ионкь и Полиевскіи, 1912. 815 с.
51. *Magocsi P.R.* History of Ukraine. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 1996. 784 p.
52. *Thaden E.C.* Russia's Western Borderlands, 1710–1870. Princeton: Princeton University Press, 1984. 278 p.

REFERENCES

1. Andreyev, A.Yu. (2009) *Rossiyskie universitety XVIII – pervoy poloviny XIX veka v kontekste universitetskoy istorii Evropy* [Russian Universities of the 18th – First Half of the 19th Century in the Context of European University History]. Moscow: Znak.
2. Andreyev, A.Yu. (2020) Mobil'nost' professorov v universitetskoy sisteme Rossiyskoy imperii XIX – nachala XX v. [Mobility of Professors in the Univer-

sity System of the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries]. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 97. pp. 68–93. doi: 10.15382/sturII202097.68-93

3. Andreev, A.Yu. (2021) *Statisticheskoe issledovanie universitetskoy profesury v Rossiyskoy imperii* [A Statistical Study of University Professors in the Russian Empire]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 66(1). pp. 19–43. doi: 10.21638/11701/spbu02.2021.102

4. Bazhenova, A.Yu. (2014) *Istoriki Imperatorskogo Varshavskogo universiteta 1869–1915: prosveshcheniye, nauka, politika* [Historians of the Imperial Warsaw University 1869–1915: Enlightenment, Science, Politics]. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej.

5. Anon. (1916) *Dvadtsat' pyat' let v Pribaltiyskom krae* [Twenty-Five Years in the Baltic Region]. Vol. 1. Yuriyev: Tip. Tsirk'.

6. Anon. (1896) *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i torgovlya Rossii* [Factory and Plant Industry and Trade of Russia]. 2nd ed. St. Petersburg: Tipografiya I.A. Yefrona.

7. Frenkel, Z.G. (2009) *Zapiski i vospominaniya o proydennom zhiznennom puti* [Notes and Memoirs of a Life Lived]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

8. Anon. (1979) *Istoriya Vil'nyusskogo universiteta, 1579–1979* [History of Vilnius University, 1579–1979]. Vilnius: Mokslas.

9. Ivanov, A.E. (1991) *Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Higher Education in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: [s.n.].

10. Ivanov, A.E. (1999) *Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: sotsial'no-istoricheskaya sud'ba* [The Student Body of Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries: A Socio-Historical Fate]. Moscow: ROSSPEN.

11. Ivanov, A.E. (2019) *Vysshaya shkola Rossiyskoy imperii XVIII – nachale XX veka: Izbrannye stat'i* [The Higher School of the Russian Empire in the 18th – Early 20th Centuries: Selected Articles]. Moscow: Printsipiium.

12. Kashtanova, O.S. (2022) *Varshavskiy universitet v sisteme vysshego (universitetskogo) obrazovaniya Rossiyskoy imperii v pervoy treti XIX v.* [Warsaw University in the System of Higher (University) Education of the Russian Empire in the First Third of the 19th Century]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii*. 6(2). pp. 582–628. doi: 10.23859/2587-8344-2022-6-2-6

13. Magocsi, P.R. (1996) *History of Ukraine*. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press.

14. Maurer, T. (2009) *Russkiy Yur'evskiy universitet i nemetskiy Strasburgskiy universitet: utrachennye forposty* [The Russian Yuriev University and the German Strasbourg University: Lost Outposts]. In: *Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka)* [University and City in Russia (Early 20th Century)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 703–760.

15. Mendeleev, D.I. (1952) *Sochineniya* [Works]. Vol. 23. Leningrad, Moscow: USSR AS.

16. Mechnikov, I.I. (1946) *Stranitsy vospominaniy: sbornik avtobiograficheskikh statey* [Pages of Memories: A Collection of Autobiographical Articles]. Moscow: USSR AS.

17. Miller, A.I. (2000) "Ukrainskiy vopros" v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.) [The "Ukrainian Question" in the Policy of the Authorities and Russian Public Opinion (Second Half of the 19th Century)]. St. Petersburg: Aleteyya.

18. Urushadze, A.T. (ed.) (2020) *Natsional'nye okrainy v politike Rossiyskoy imperii i russkoy obshchestvennoy mysli* [National Outskirts in the Policy of the Russian Empire and Russian Public Thought]. Rostov on Don: YuNTs RAS.

19. The Russian Empire. (1905) *Obshchiy svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannyykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya, proizvedyonnoy 28 yanvarya 1897 g.* [General Summary for the Empire of the Results of Processing Data from the First General Population Census, Conducted on January 28, 1897]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1–268.

20. Anon. (1902) Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta za 1901-y god [Report on the State and Activities of the Imperial Kharkov University for 1901] (1902). *Zapiski Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta*.10(2). pp. 1–149.

21. Petrov, F.A. (2002) *Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii* [The Formation of the University Education System in Russia]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University.

22. Pravilova, E.A. (2006) *Finansy imperii: Den'gi i vlast' v politike Rossii na natsional'nykh okrainakh, 1801–1917* [Finances of the Empire: Money and Power in Russia's Policy on the National Outskirts, 1801–1917]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

23. Anon. (1983) Predpisaniye departamenta politsii kievskomu gubernatoru ob usilenii nablyudeniya za deyatel'nost'yu zemlyachestv v universitete. 22 fevralya 1887 g. [Instruction from the Police Department to the Kiev Governor on Strengthening Surveillance of the Activities of Student Associations in the University. February 22, 1887]. In: *Kievskiy universitet: Dokumenty i materialy, 1834–1984* [Kiev University: Documents and Materials, 1834–1984]. Kiev: Vishcha shkola. pp. 55–56.

24. The Russian Empire. (1900) Prilozhenie. Statisticheskie vedomosti [Appendix. Statistical Sheets]. In: *Izdechenie iz vsepoddaneyshego otcheta ministra narodnogo prosveshcheniya za 1896 g.* [Extract from the Humble Report of the Minister of Public Education for 1896]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1–159.

25. The Russian Empire. (1908) Prilozhenie: Statisticheskie vedomosti [Appendix: Statistical Sheets]. In: *Vsepoddaneyshey otchet ministra narodnogo prosveshcheniya za 1906 g.* [Most Humble Report of the Minister of Public Education for 1906]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1–251.

26. The Russian Empire. (1912) *Prilozhenie: Statisticheskie vedomosti* [Appendix: Statistical Sheets]. In: *Vsepoddaneyshiy otchet ministra narodnogo prosveshcheniya za 1910* [Most Humble Report of the Minister of Public Education for 1910]. St. Petersburg: [s.n.], pp. 1–251.

27. The Russian Empire. (1916) *Prilozhenie: Statisticheskie vedomosti* [Appendix: Statistical Sheets]. In: *Vsepoddaneyshiy otchet ministra narodnogo prosveshcheniya za 1913 g.* [Most Humble Report of the Minister of Public Education for 1913]. Petrograd: [s.n.], pp. 2–251.

28. Potapova, I.V. & Antoshchenko, A.V. (eds) (2014) *Professor V.I. Modestov. Vospominaniya, pis'ma* [Professor V.I. Modestov. Memoirs, Letters]. Moscow: Printsipiium.

29. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 17. File 533.

30. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 1527.

31. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 1935.

32. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 1944.

33. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 1948.

34. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 2306.

35. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 2316.

36. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 2326.

37. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 2333.

38. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 2580.

39. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 2585.

40. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 2590.

41. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 2595.

42. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 204. File 38.

43. Kitner, I. (1961) 1898 g., iyunya 19. Poyasnitel'naya zapiska arkhitekтора I. Kitnera k proektu zdaniya KPI [June 19, 1898. Explanatory Note by Architect I. Kitner to the KPI Building Project]. In: *Iz istorii Kievskogo politekhnicheskogo instituta: sbornik dokumentov i materialov* [From the History of the Kiev Polytechnic Institute: A Collection of Documents and Materials]. Kiev: Kiev University. pp. 14–16.

44. Riga Polytechnic Institute. (1912) *Album Academicum Rizhskogo politekhnicheskogo instituta. 1862–1912* [Academic Album of the Riga Polytechnic Institute. 1862–1912]. Riga: Ionk' i Poliyevskiy.

45. Skryabin, K.I. (1969) *Moya zhizn' v nauke* [My Life in Science]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.

46. Spektorskiy, E.V. (2020) *Vospominaniya* [Memoirs]. Ryazan: [s.n.].

47. Thaden, E.C. (1984) *Russia's Western Borderlands, 1710–1870*. Princeton: Princeton University Press.

48. The Russian Empire. (1888) *Universitety i srednie uchebnye zavedeniya 50-ti guberniy Evropeyskoy Rossii i 10-ti Privislinskikh po perepisi 20-go marta*

1880 g. [Universities and Secondary Educational Institutions of the 50 Provinces of European Russia and the 10 Vistula Provinces According to the Census of March 20, 1880]. St. Petersburg: [s.n.].

49. Veresaev, V.V. (1961) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Pravda.

50. The Russian Empire. (1916) *Vysshie tekhnicheskie uchebnye zavedeniya* [Higher Technical Educational Institutions]. In: *Statisticheskie svedeniya o sostoyanii uchebnykh zavedeniy, podvedomstvennykh uchebnomu otdelu Ministerstva trgovli i promyshlennosti. 1913–1914 uch. god* [Statistical Information on the State of Educational Institutions Under the Jurisdiction of the Educational Department of the Ministry of Trade and Industry. 1913–1914 Academic Year]. Petrograd: A.V. Orlov. pp. I–XVI.

51. Dolbilov, M.D. (2007) *Zapadnye okrainy Rossiyskoy imperii* [The Western Outskirts of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

52. Witte, S.Yu. (1960) *Vospominaniya* [Memoirs]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury.

Степнов Алексей Олегович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры российской истории, старший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (Россия).

Alexei O. Stepnov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: brothe.numb1@gmail.com

Некрылов Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории, ведущий научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (Россия).

Sergei A. Nekrylov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: medicinahistory@yandex.ru